

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пересказы мифов и легенд существовали всегда. Начиная с тех времен, когда эти жанры сохранялись только через устную традицию, заканчивая моментом, когда те из них, что прошли века и не канули в Лету, оказались записаны, изданы и доступны широкой публике. Не все из них могут похвастаться многовековой историей, не все начали свой путь в древние времена, ведь фольклор создается, живет и дышит во все эпохи, и ценность его не меняется, будь он создан в наше время или тысячу лет назад.

Каждый рассказчик, каждый сказитель, скальд или бард что-то изменял, что-то добавлял в историях, передававшимся из уст в уста. Позже, уже в XVIII–XIX веках фольклористы начали собирать эти устные рассказы. Тогда стремительная индустриализация приводила к тому, что население переезжало из сельской местности в города, и городской фольклор начал приходить на место сельского. Однако его ценность не казалась высокой — существовало мнение, что именно сельский фольклор дошел до нас еще со времен оных, и изучая его мы можем найти там «пережитки» дохристианских верований. Ученые то-

го времени не всегда осознавали, что фольклор создается постоянно, и для «антикваров» исчезновение сельского фольклора выглядело как катастрофа, поэтому они спешили записывать, фиксировать, боясь, что иначе предания прошлого исчезнут безвозвратно.

Сегодня исследователи стараются записывать фольклор максимально близко к живой речи информантов. Раньше же тексты часто передавались в пересказе самого автора книги, и не считалось предосудительным добавить что-то от себя, если оно удачно дополняло общий материал. И если Элиас Лённрот, составитель карело-финского эпоса «Калевала», действительно ходил в народ и собирал эпические песни — руны — и настолько филигранно дописал от себя недостающие части общего сюжета, что их сейчас сложно отличить от остальных, то Джеймс МакФерсон, составитель эпоса «Песни Оссиана», и вовсе сочинил практически всё сам.

Фольклористы и мифологи того времени стремились публиковать собранные тексты, в том числе для детей. Так появился знаменитый «цветной» цикл сказок: красная книга сказок, желтая, зеленая, лиловая и т. д., где выдающийся фольклорист своего времени Эндрю Лэнг пересказывал для детской аудитории народные сказки. Пересказывал их, конечно, не в том виде, в котором их рассказывали в деревнях — из сказок было убрано слишком страшное и слишком откровенное, а сами они звучали приглаженно и приятно для детского уха. В то же время историк и педагог Николай Кун пересказывал для юной аудитории

мифы и легенды Древней Греции, всё так же приводя их в соответствие с нормами своего времени.

Перед вами книга, в которой представлены истории, относящиеся к самым разным жанрам: от сказок к преданиям, от легенд к авторским произведениям. Однако все их объединяет одно: это снова пересказ известных нам мифологических и фольклорных сюжетов, сделанный через уста тех, кто редко удостоивался права быть услышанными — через женских персонажей.

Злодейки и предательницы, невольные невесты и коварные ведьмы — все они зачастую выступали как антагонистки, трофеи или же подательницы благ — буквально именно эту нишу небезызвестный Джозеф Кэмпбелл отдал женским персонажам в своем «Тысячеликом герое». Однако читая сейчас эти истории, часто задаёшься вопросом: разве справедливо то, что произошло с их героинями, даже если главный герой вышел победителем? Разве смысл их существования ограничен лишь отношением к протагонисту? Именно это подчеркивает Шэрон Блэки, пересказывая сказки глазами женщин и обращаясь прежде всего к женской аудитории, на которую редко ориентировались прежние составители и издатели фольклорных текстов.

Большинство историй из этой книги относятся к культуре Северной Европы: Британских островов и Скандинавии. Пересказывая их, Шэрон Блэки не только искусно меняет сам угол зрения на происходящее, но и показывает социальные условия, в которых эти сказки и легенды формировались и существовали. Это помогает понять место женщины в культуре

того или иного исторического периода, а также разницу в восприятии описанных событий тогда и теперь. Древность нарративов варьируется: от средневековых повестей и сказаний до авторских сказок XIX века, однако везде автор задается вопросом, что чувствовали и из каких побуждений действовали их героини. О чем думала Миш, когда враги убили супруга, спасшего её от безумия? Что переживала волчица, у которой украли волшебную шкуру и заставили выйти замуж за похитителя? Каково это быть феей, но переживать измену смертного мужа? Иногда Шэрон Блэки придумывает историям альтернативную концовку (в которой честно признается), и во многих случаях она покажется современному читателю более справедливой.

Фольклор меняется. Меняется каждую эпоху, принимая бесчисленное количество форм в зависимости от социальных и экономических условий. Меняются и его пересказы, подстраиваясь под взгляды, ожидания и ценности своей аудитории. Эта книга — часть этой непрерывной истории: пусть она станет для вас не просто сборником пересказов, а приглашением услышать забытые голоса и взглянуть на знакомые сюжеты иначе.

*Д. А. Трынкина,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН*

ОТ АВТОРА

Большинство сюжетов в этой книге либо являются переосмыслением уже известных историй и сказок, либо содержат персонажей и существ из них, а также характерные для них лейтмотивы. Чтобы оценить эти новеллы в полной мере или понять, что это за герои и о чем они говорят, может помочь информация о них из более ранних версий сюжетов; в конце этой книги вы найдете ряд примечаний, в которых указаны источники вдохновения для каждой из историй, а также краткие пересказы оригиналов.

ВОЛЧЬЯ
ШКУРА

Представьте себе: вы в одиночку идете в лес. Зима, хочется есть. Поэтому вы берете с собой винтовку, надеваете куртку из оленьей кожи и сапоги на кроличьем меху. И в путь.

Скажем, уже рассвело, но в лесу пока не видно ни зги. Чистый воздух, земля покрыта снегом, выдающим следы дичи. Ворона зовет вас по имени; готовящаяся ко сну сова предупреждающе ухает в пылающие небеса. Утро только начинается, Орион еще почти не виден. В воздухе витает запах крови зверя, вот-вот готовый пролиться.

Но вы не думаете обо всем этом. Вы пришли сюда не красотами любоваться, а ужин себе добыть.

Допустим, что вы устали: поздно вчера легли спать. Наконец вам удалось подстрелить кролика, и, воодушевленный, вы продолжаете путь. Наступает вечер, усталость не отпускает, хоть душу и греет предстоящая трапеза. Домой идти далеко, и тут, словно из ниоткуда, появляется мельница, которая будто приглашает войти. Что вы и делаете

ради ночлега. Может, завтра попадетя лань. Вы разводите огонь в гостиной, свежуете кролика, готовите его. Забираетесь на чердак, чтобы поспать. Дрова в камине продолжают успокаивающе потрескивать, иначе откуда взяться теплу? Бульон и кости вы оставляете на сковороде: впереди еще завтрак.

И вот вы почти заснули, но слышите, как открывается дверь. Она скрипит, как во всех известных сказках. Входит волчица. Принюхивается и чувствует: пахнет чем-то вкусным. Подходит к камину, встает на задние лапы и кричит: «*Шкура, сползи! Шкура, сползи!*» И действительно, ее шкура сползает. Из нее выскальзывает женщина. Мельница — это ее дом. Она вешает шкуру на колышек за дверью, возвращается к огню, грызет кости, пьет теплый бульон и засыпает на камышовом мате.

Тем временем вы наблюдаете за происходящим из отверстия в деревянном полу чердака. Затем осторожно спускаетесь по лестнице и срываете волчью шкуру с колышка. Прибиваете ее гвоздями к мельничному колесу: надежно, не сорвать. Подкрадываетесь к мату и слегка подталкиваете женщину ногой. Она кричит: «*Шкура, назад! Шкура, назад!*» Но шкура висит на мельничном колесе.

Женщина-волк плачет.

А вы смеетесь.

Ха-ха-ха.

Дальше история стара как мир. Женщина-волк вынуждена выйти замуж за мужчину, потому что ее волчья шкура у него. Мужчина переезжает на заколоченную мельницу; женщина-волк убирает и готовит. Старая сказка. Положим, вы говорите ей, что любите сказки, посему заставляете ее рассказывать вам их каждый вечер, перед сном. Волчьи сказки. Они вас лишь смешат. Вы обещаете ей, что вернете шкуру, если она расскажет сказку, которая вам действительно понравится.

Но на самом деле вы решаете продать волчью шкуру и хорошо заработать на этом. И ведь даже не пришлось свежевать волка: шкура уже была готова к продаже. А женщина-волк увидела, что ее шкура пропала, и заревела.

А вы смеетесь.

Ха-ха-ха.

Допустим, женщина-волк забеременела и в итоге родила человеческого детеныша. Который в утробе убил свою сестру, надежду.

Нравится вам такая сказка? Ну нравится же! Хотя кажется, что сейчас-то вам уже совсем не смешно.

Что ж, тогда представляем дальше: человеческий детеныш слышит, как люди шепчутся, что на самом деле его мать — волчица. И он спросит: *«Мама, а ты волчица?»*

«Какая чепуха», — ответит мать и отвернется.

И чадо задаст этот же вопрос отцу. Тот ответит утвердительно. Ребенок спросит: «Где же волчья шкура?» Отец ответит, что продал ее.

У малыша возникнет вопрос: может, он тоже волк? Он спросит у матери, как найти его волчью шкуру. Допустим, она скажет, что только она может показать ему, как эту шкуру найти, но лишь тогда, когда сама станет волчицей. Мальчик плачет.

А вы смеетесь в третий раз.

Ха-ха-ха.

Отец посылает мальчика в дом проповедника. Берет свежую шкуру оленя и корзину булочек. Ребенок чувствует запах своей матери, но она дома. Он принюхивается, идет по следу. Своим волчьим носом он находит волчью шкуру, брошенную на деревянную скамью проповедника. Он прибегает домой и говорит матери: «*Мама, мама! Я знаю, где твоя шкура!*»

Да, женщина-волк потеряла свою шкуру, но у нее остались волчьи кости. Да, потеряла шкуру, но волчье сердце осталось. Да, потеряла шкуру, но остались волчьи глаза. Допустим, она прокрадась в темноте, пока муж был на охоте, забралась в окно дома проповедника, да и украла шкуру. «*Шкура, назад!*» — говорит она. И шкура надевается на нее, тянется к ней, обволакивает ее, плотно сжимает. Нежно касается ее, как возлюбленный, и она дрожит. Шкура дальше покрывает все

Волчья шкура

ее тело, спину, бедра. Мягко обвивается вокруг шеи и успокаивает израненное сердце.

А охотник приходит домой и обнаруживает, что жены там нет, но на кухне сидит волчица. С волчонком рядом. Она рычит и обнажает клыки. Такого вы точно не ожидали.

И именно волк смеется последним.

Ха-ха-ха.

ПОСЛЕДНИЙ
НАСТОЯЩИЙ
МУЖЧИНА

Он уже должен был спуститься с холма, слишком уж долго его не было. Она отворачивается от окна и вытирает руки кухонным полотенцем. За эти годы она научилась не волноваться. Вернее, не суетиться. Больше всего на свете он ненавидит суету. Но уже прошло три часа с тех пор, как он ушел, а она все еще не слышала выстрела.

Жаль, что он ушел сегодня. Сегодня его руки все еще были красными от рытья могилы для старого пса под вчерашним ледяным дождем. Сегодня у него на душе было так тяжело, что она не уверена, смогут ли его старые ноги, которые игибаются-то с трудом, донести его до вершины холма. Ему и раньше-то было нелегко, но он нашел способ бороться с этим состоянием: стиснуть зубы, выпрямить спину и подставить ветру свою крепкую, как гранит, грудь. Но она знает, что сейчас все по-другому. Увидела утром, как он изменился, вернувшись из сарая: там он кормил домашних животных, и компанию ему состав-

лял только молодой Руарид. Да, это собака, но не та. Совсем не та. Не тот пес, что ему нужен.

Да, именно тогда она увидела, действительно увидела, словно впервые, что он и в самом деле постарел. В этом возрасте все, что ему дорого, все, что удерживает его на плаву, либо навсегда изменилось, либо неизбежно угасает. Старый уклад почти утратил смысл, который вряд ли когда-нибудь вернется. Почти все земельные участки вдоль этой узкой прибрежной дороги скупил приезжие, многие из которых «отошли от дел». От каких же, интересуется она... От жизни? Землю возделывать сейчас никто не хочет: люди просто хотят сидеть и смотреть на воду из своих панорамных окон. Они называют это видом, словно могут узнать это место только благодаря глазам. Будто эти самые глаза могли бы помочь им разглядеть хоть что-то. Его родные и близкие в течение долгих лет умирали рядом с ним, и порой кажется, что он останется один-одинешенек, когда наступит конец света. Святой, чья святость меркнет; подневольный пережиток навсегда ушедшего образа жизни. Совсем как в том стихотворении, которое она читала много лет назад, о каменной статуе, одиноко стоящей среди бескрайней пустыни и медленно растворяющейся в зыбучих песках неумолимого хода времени.

Возможно, он действительно крепок, как скала. Мягкотелым его не назовешь, но тихим и спокойным

он точно был. Надо сказать, что им было хорошо вместе. Он не из тех, кто показывает свои эмоции, но кто из мужчин его поколения вообще это делал? Сейчас в моде проявлять эмоции ни с того ни с сего. Она этого не понимает, не видит в этом необходимости. Если бы сейчас были живы их дети, она бы смогла разобраться в этом дивном новом мире, который вмешивался и разрушал все сакральное, что осталось у предыдущего поколения. Возможно, будь у них внуки...

Да, они не понаслышке знают, что такое утрата, но разве не так устроена жизнь? Победы и поражения, потери и приобретения — и все это повторяется раз за разом, год за годом, так же стабильно, как сменяются времена года и Земля вращается вокруг Солнца. Утраты были и более тяжелыми, нежели смерть старого пса. Калум, Фолклендские острова. Уже сорок лет прошло. Он пережил смерть сына, почему бы и потерю пса не пережить?

Калум. Ей нельзя думать о Калуме. За все эти годы она уже достаточно много о нем думала. Скрывала свою боль, чтобы не разбередить его раны. Испытывал ли он когда-нибудь то же, что и она? Ему и в голову бы не пришло рассказать ей о том, каково ему. А она знала, что его не нужно ни о чем расспрашивать. Она понимала свою роль в их странной сделке, называемой браком. В этом мире ей еще многое предстояло узнать.

Она снова смотрит на часы — почти одиннадцать.